

Линь Чанбинь ещё не успел проснуться, когда его грубо вырвал из сна яростный крик. Он подскочил в постели, едва не скатившись на пол.

Лихорадочно нашаривая одежду, он едва успел натянуть штаны, как в комнату ворвалась Чэнь Жун.

— Дорогая, как ты здесь оказалась?

Вместо ответа женщина со всей силы влепила ему несколько звонких пощёчин. Удары были нанесены с такой яростью, что у сюция в глазах потемнело, а в ушах зазвенело.

Он долго не мог прийти в себя, прижимая ладони к горящим щекам. По спине пробежал холодок, а по вискам заструился ледяной пот.

— Выслушай меня, это недоразумение...

— Одинокие мужчина и женщина в одной постели — это недоразумение? — выкрикнула тётушка. — И ты ещё называешь себя учёным мужем? Да ты творишь дела, на которые и скотина не способна!

— Мужчине... — пролепетал муж, — положено иметь... трёх жён и четырёх наложниц, что в этом такого?

— А она тебе кто, жена или наложница? Связался с дешёвой шлюхой без всякого сговора, да ещё и ребёнка заделал! Люди же на смех поднимут!

Вдова Юй, стоявшая в дверях, от страха не смела и вздохнуть.

От стыда и злости Линь Чанбинь вскипел:

— Уж получше тебя будет! Ты даже сына родить не смогла!

Эти слова стали для Чэнь Жун последней каплей. Она вцепилась ему в волосы и с яростью принялась таскать из стороны в сторону.

— Я не смогла родить сына, так ты решил загубить жизнь детей, которых я тебе родила? Хотел отдать Цю'эра этому скоту Фан Шэню в обмен на лавку? И не мечтай!

— Ай, ай, отпусти! Чего ты хочешь?

— Развода! Немедленно!

— Мы с тобой уже немолоды, к чему вся эта суматоха? — попытался возразить он.

— Тьфу! Мне дурно от одного твоего вида, кусок в горло не лезет! Но если не хочешь развода, хорошо. Скажу прямо: пока я жива, эта потаскуха порог дома Линь не переступит. И её выродок не попадёт в родовую книгу. А незаконнорожденному сыну путь на государственные экзамены заказан!

Вдова Юй, услышав это, тотчас рухнула на колени, приняв самый жалкий вид.

— Это я во всём виновата, господин Линь здесь ни при чём. Не бейте его, лучше бейте меня!

Чэнь Жун не стала церемониться. Оба были виновны — и развратный муж, и его любовница, — и оба заслуживали кары. Она, привыкшая к тяжёлому физическому труду, была куда сильнее их обоих. А за спиной стояли двое племянников, готовых её поддержать, так что тётушка дала волю всей накопившейся обиде, растрепав волосы женщине и оставив на заплывшем лице Линь Чанбиня багровые синяки.

— Змея ядовитая! Развод так развод, только перестань! — взмолился он.

Выместив гнев, Чэнь Жун достала из-за пазухи заранее написанное прошение о разводе и швырнула ему в лицо.

В полумраке комнаты сюцай не стал разбирать написанное и, недолго думая, обмакнул палец в кровь, струившуюся из разбитого носа, и поставил свой отпечаток.

Ван Ин подобрал документ, аккуратно сложил его и вернул тёте, поддерживая её за плечи.

Чэнь Жун посмотрела на обнимавшуюся на полу парочку, и в душе осталась лишь усталость. Этот человек не стоил ни её гнева, ни её слёз.

— После развода Цю'эр и Суй'эр уйдут со мной. С этого дня наши пути расходятся, и мы больше никогда не встретимся.

— Как это так? — встрепенулся Линь Чанбинь. — Дети — часть семьи Линь, ты не можешь их забрать!

Тётушка поняла его мысли, и сердце её похолодело ещё больше. Она развернулась и бросилась к младенцу, спавшему в пелёнках.

— Хочешь, чтобы Линь Цю остался? Хорошо. Но тогда этому мальчишке здесь не место. Я заберу твоего сына вместо своего!

— Не смей! Не трогай ребёнка! — у мужчины от страха подкосились ноги. Это был его долгожданный сын, его сокровище, дороже глаз на лице. Увидев, что Чэнь Жун схватила младенца, он был готов на всё. — Дети пойдут с тобой, только положи его!

Женщина с презрением усмехнулась и бросила ему его маленького убудка.

Ребёнок проснулся от толчка и залился громким плачем. Линь Чанбинь, сгорая от жалости, принялся его утешать:

— Ох-ох, Фугуй, не плачь, мой хороший, не бойся, папа здесь...

Чэнь Жун больше не могла на это смотреть. Она развернулась и вышла из комнаты. У самых дверей она пошатнулась и едва не упала.

Ван Ин и Чэнь Цинъянь тут же подхватили её.

— Тётушка, не стоит так убиваться из-за такого человека.

— Я не из-за него горюю, — в глазах женщины стояли слёзы. — Умри он, я бы и слезинки не проронила. Мне больно за моих детей. Он ни разу... ни разу в жизни так не обнимал их...

Она вспомнила, как её старшему сыну было три года. Однажды он захотел поиграть с отцом. Мужчина как раз вернулся из школы, видимо, отчитанный наставником и не в духе.

Цю'эр с криком «папа!» побежал к нему, но отец отшвырнул его ногой. Удар был такой силы, что лицо ребёнка посинело, и он долго не мог даже заплакать. Сердце матери тогда разрывалось от боли.

Чем больше она думала об этом, тем сильнее становилась горечь. Она ненавидела себя за свою тогдашнюю слабость, за то, что не ушла от этого подонка раньше.

Вернувшись домой, они начали собирать вещи. За долгие годы брака в доме почти ничего не прибавилось.

В молодости Чэнь Жун любила наряжаться, но стоило ей купить новую ткань на платье, как свёкор со свекровью начинали её попрекать, твердя, что нужно экономить и копить деньги на

учёбу мужа. Вот когда он сдаст экзамены и станет цзюйжэнем, тогда можно будет и есть что захочется, и покупать что душе угодно.

Её кормили этими обещаниями год за годом, пока не выросли оба её сына. Она привыкла отказывать себе во всём, и дети её не видели хорошей жизни.

Позже Линь Чанбинь бросил учёбу, денег в семье не стало. Он решил открыть лавку и попытался вытянуть средства из приданого жены.

К счастью, она тогда упёрлась и не согласилась, иначе сейчас у неё не осталось бы ни гроша за душой.

Сундук с приданым вынесли из комнаты. Чэнь Жун вытерла с него пыль.

Всё это подготовили ей родители к свадьбе: пятьдесят связок монет, восемьдесят лянов серебра, несколько отрезков тонкой ткани и украшения.

Из шести комплектов постельного белья, данных в приданое, два тюфяка уже истлели, и женщина их оставила, забрав только то, что было в хорошем состоянии.

Одежду взрослых и детей сложили в узлы, гостинцы из родной деревни — всё до последней мелочи — погрузили обратно на повозку. Хорошо, что они приехали на двух повозках — всё поместилось.

Линь Цю бегал туда-сюда, помогая носить вещи. Улыбка не сходила с его лица, и даже рана на шее, казалось, больше не болела.

Когда они почти закончили, вернулся Линь Чанбинь. С ним была вдова Юй с ребёнком на руках.

Этой парочке явно не терпелось. Чэнь Жун ещё не уехала, а любовница уже входила в дом хозяйкой.

Мужчина вернулся специально, чтобы проследить, как бы они не вынесли весь дом.

Всю дорогу он ломал голову, пытаясь понять, какая длинноязыкая сплетница успела всё рассказать жене. Сама бы она, с её умом, ни за что не догадалась о его похождениях.

Так ничего и не придумав, он был вынужден смириться с реальностью.

Хотя развод и не входил в его планы, раз уж она всё узнала, другого выхода не было. Зато

теперь можно было спокойно забрать сына и поскорее вписать его в родовую книгу.

Войдя во двор и увидев доверху нагруженные повозки, Сючай помрачнел и бросился в дом. Комнаты были полупусты.

— Чэнь Жун! Ты что, решила обобрать меня до нитки?

Тётушка отряхнула руки от пыли.

— А что у тебя есть? Всё ещё считаешь себя молодым господином? Ты просадил всё состояние на свои прогоревшие лавки, у тебя давно ничего нет. Я забираю только то, что мне дали в приданое мои родители.

Линь Чанбинь не поверил и бросился к повозке. Он тщательно всё проверил, даже развернул постельное бельё, и, убедившись, что его вещей там нет, наконец, успокоился.

— Цю'эр, Суй'эр, вы действительно хотите уйти с матерью?

Дети, воспитанные в строгом почтении к отцу и боявшиеся его, лишь молча и бесстрастно смотрели на него.

Чэнь Циньянь тут же встал перед двоюродными братьями.

— Мы ведь договорились. Или ты хочешь взять свои слова обратно?

Линь Сючай действительно хотел. Если Линь Цю и Линь Суй уйдут, как он объяснится со вторым сыном семьи Фан? Он получил от того столько подарков, и если свадьба не состоится, всё придётся вернуть.

— Твой сын ещё совсем мал, — с холодной усмешкой сказал Ван Ин. — Если с двоюродным братом что-то случится, боюсь, и твой долго не проживёт.

Услышав это, Линь Чанбинь окончательно оставил свои намерения. Ничто не было важнее его драгоценного сына. Он махнул рукой.

— Вырастил стаю неблагодарных волчат! Убыточные твари! Убирайтесь, и чтобы ноги вашей здесь больше не было!

Напряжённое тело Линь Цю наконец расслабилось. Со слезами на глазах юноша посмотрел на двоюродного брата и его супруга. Как же хорошо, что они рядом!

Собрав вещи, им предстояло ещё отправиться в управу с прошением о разводе, чтобы забрать документы Чэнь Жун и детей и перевести их обратно в город Циншуй.

Это оказалось непросто. Лишь через два дня, уладив все формальности, они смогли поставить точку в этой затянувшейся драме.

Повозка семьи Чэнь была невелика, и пятерым взрослым в ней было тесно. Чэнь Жун с двумя детьми сидела с одной стороны, Ван Ин и Чэнь Цинъянь — с другой.

От долгого сидения в одной позе тело затекало, и Ван Ин устало прислонился к плечу супруга.

— Устал? — тихо спросил Чэнь Цинъянь.

— Немного.

— Поспи, прислонившись ко мне.

Юноша протянул руку и, обняв Ван Ина за плечи, позволил ему устроиться удобнее.

Тётушка, глядя на них, слабо улыбнулась. Хорошо, что эти двое приехали, иначе она бы не знала, что и делать.

Но улыбка быстро исчезла, уступив место тревоге.

Она, разведённая, возвращается с двумя детьми в дом родителей. Наверняка пойдут пересуды.

Ей-то на сплетни было наплевать — в её возрасте уже всё равно, что говорят. Но дети были ещё молоды, их браки не устроены. Как бы это не повредило их будущему...

Чэнь Жун посмотрела на старшего сына.

— Рана на шее всё ещё болит?

Линь Цю покачал головой.

— Нет.

Ван Ин вспомнил о лекарстве, которое вчера передал Цао Кунь, достал из узла пузырёк и протянул брату.

— Это мазь от ран, её дал хозяин Цзяохана. Они много путешествуют, часто получают травмы, и лекарства у них лучше, чем в аптеках. Попробуй.

Юноша взял пузырёк и тихо поблагодарил.

Чэнь Жун вздохнула. Что ж, будь что будет. Хуже уже некуда. В крайнем случае, можно купить несколько му земли в деревне и найти для Цю'эра мужа, который согласится войти в их семью.

Повозка медленно катилась три дня, и четырнадцатого числа двенадцатого месяца они наконец вернулись в город.

Госпожа Ли уже извелась от ожидания. Дети обещали вернуться через семь-восемь дней, а прошло уже десять, и никаких вестей.

Каждый день она посылала Эршуня к городским воротам разузнать, не видел ли кто повозку из уезда.

В тот день парень, как обычно, отправился к воротам. Не успел он толком дождаться, как увидел знакомую повозку.

Он радостно бросился навстречу.

— Дядя Чэнь! Дядя Дуньцзы!

— У-ух! Эршунь, ты как здесь оказался?

— Госпожа Ли послала разузнать о вас. Вы так долго не возвращались, дома все извелось от беспокойства.

— Садись в повозку, вместе поедem.

Повозка ускорила ход и меньше чем через четверть часа остановилась у ворот дома семьи Чэнь. Привратник Линьцзы громко крикнул:

— Молодой господин, господин Ван вернулись!

Госпожа Ли с детьми выбежала навстречу. Увидев сына и зятя живыми и невредимыми, она наконец вздохнула с облегчением.

— Почему так долго? Мы думали, вы вернётесь несколько дней назад.

— У тётушки случились неприятности, — сказал Чэнь Цинъянь, — я привёз их всех с собой.

Чэнь Жун с детьми сошла с повозки и растерянно замерла у входа.

Госпожа Ли, увидев сундук с приданым, всё поняла без слов. Она подошла к ней и взяла её за руку.

— Вы дома, так что ни о чём не думай. Веди детей в дом. Я велела на кухне приготовить мясной бульон, выпейте, согрейтесь.

У Чэнь Жун защипало в носу.

— Да.

<http://bllate.org/book/15812/1435289>